

Ю.А. Карпова

Эволюция системы согласных испанского языка: путь от шипящих [š] и [ž] к велярной [x]

Аннотация: В XVI в. происходят значительные изменения в испанской фонологии. Норма Старой Кастилии отразила целый ряд особенностей, среди них аспирация начального этимологического латинского [f], оглушение шипящих [z], [ž], [dz] и некоторые другие. В результате к XVII в. в кастильском больше не останется звонких шипящих, но появится столь характерная велярная [x] и не менее своеобразная фрикативная [θ].

Ключевые слова: эволюция испанского консонантизма; средневековые испанские согласные фонемы; велярная фонема [x]; палатализация и веляризация [š], [ž], [dž]; формирование кастильской орфоэпической нормы; влияние баскского субстрата на испанский язык

Abstract: In XVI century there are significant changes in the Spanish phonology. The norm of the Old Castile reflected a number of features, including the aspiration of the initial etymological Latin [f], the stunning of sizzling [z], [ž], [dz] and some others. As a result by XVII century in Spanish the voiced sibilants no longer remain, but velar [x], and fricative [θ] so characteristic for Spanish language appeared.

Key words: The evolution of the Spanish consonant system; Medieval Spanish consonant phonemes; velar Spanish phoneme [x]; the palatalization and velarization of [š], [ž], [dž]; the formation of Castilian orthoepic standards; the impact of the Basque substrate in Spanish.

В последнее время все чаще можно услышать, как топонимы «México» или «Texas» неверно произносятся со звуком [ks]. Происходит это отчасти под влиянием английского языка. Кроме того, в испанском языке считается нормативным такое произношение буквы *x* в интервокальной позиции. В чем же ошибка?

Если обратиться к этимологии, а также иметь в виду фонетический облик испанского языка XVI в., ошибка становится очевидной. Считается, что первые испанские конкистадоры, которые в XVI в. появились на территории современной Мексики, услышали ацтекское самонаименование «meshica», от которого произошел топоним «México». Название американского штата

«Texas» происходит от слова «taisha» («друг», «союзник» на языке индейцев кодо). В испанском языке слово получает показатель множественного числа, а нисходящий дифтонг [ai] переходит в [e], согласно законам кастильской фонетики¹. Шипящий звук в обоих словах очень походил на глухой шипящий кастильский [š], который на тот момент существовал в языке.

В XVI в. этот звук графически передавался графемой *x*: *dixo*, *exido*. Таким образом, топонимы «México» и «Texas» получают свое графическое воплощение. Довольно скоро звук [š] эволюционировал в велярный [x] на всей территории распространения кастильского языка, в том числе и в Америке. Вместе с тем именно в это время в языке появляется большое количество культизмов, заимствований из латыни также с буквой *x*, но обозначающей другой звук [ks] – *examen*, *éxito*, *existir*. Складывается ситуация, когда одна и та же буква обозначает два звука. Только в 1815 г. Королевская Академия испанского языка внесла ясность в эту ситуацию: за каждым звуком закрепляется собственное буквенное обозначение: [x] – *g*, *j* и [ks] – *x*.

С момента создания первых письменных памятников и почти до начала XVII в. в кастильском языке существовало несколько согласных фонем, которые были характерны для так называемой общероманской системы согласных, но не сохранились в современном языке². Это передненебный шипящий глухой [š] – звук, похожий на каталанский в слове «mateix» или итальянский в слове «pesce», который на письме передавался графемой *x*: *dixo*, *baixo*, *exido*, *ахуаг*. Звонкий шипящий [dž] произносился аналогично итальянскому звуку в слове «peggio» или английскому в слове «gentle», а на письме передавался графемами *g*, *j*, а также *i* в интервокальной позиции: *gentil*, *mugier*, *jamás*, *consejo* (*conseio*), *oreja* (*oreia*). Стоит отметить, что в некоторых областях встречался аллофон данной фонемы, фрикативный звонкий [ž] – звук, похожий на каталанский в слове «ajudar». Глухой звук [ts] передавался буквой *c* перед гласными *e*, *i* или *ç* в остальных позициях и произносился аналогично итальянскому звуку в слове «fogza»: *cerca*, *braço*. Звонкий [ds] в староиспанском языке произносился так же, как произносится современный итальянский звук в словах «mezzo»: *fazer*, *vezino*. Графема *s* между гласными реализовывалась в звонком звуке [z], а sdвоенная *ss* использовалась для обозначения глухого. Графемы *b* и *v* имели разное произношение. Первая обозначала смычный звонкий звук, похожий на русский [б]: *sabeça*, *embiar*, *lobo*. Буква *v* и ее аллограф *u* произносился как губно-зубной. Правда в средневековой Кастилии, которая находилась на севере, в горах современной Канта-

¹ В испанском языке [é] имеет несколько источников, в том числе позднелатинский дифтонг -AI-, который, в свою очередь, появляется в результате ослабления и последующей вокализации велярной согласной в группах CT, CS: FACTU > FAITU > hecho; LACTE > laite > leche и др.

² Выдающийся испанский филолог Рафаэль Лапеса выделял четыре «средневековые фонемы» («fonemas medievales»), которыми обладала средневековая система испанских согласных, не сохранившиеся в современном языковом состоянии: [š], [dž], [ts], [ds]. Остальные звуки сохранились, но стали вариантами фонем. Фонетическая эволюция привела к тому, что многие согласные и группы согласных к XVI–XVII вв. объединились в одном результате.

брии, и граничила с землями басков и Наваррой, уже в XIII в. имеет место фрикативное губно-губное произношение, что объясняется влиянием баскского субстрата. Такое разнообразие староиспанской фонетической системы объясняется ее в высшей степени этимологическим характером: латынь существует рядом и совсем недавно уступила место романсе как языку общения и письменности. Например, средневековые лексемы «lexos» и «seja» имеют разные звуки в интервокальной позиции ([š][dš]), что вполне естественно, ведь у них совсем разная этимология: LAXUS – CILIA. В XVI в., намного более отдаленном от латыни и во времени, и с точки зрения языковой эмансипации, они получают общий звук [x]: lejos – seja.

Во времена Альфонса X Мудрого и при его непосредственном участии появляется определенная орфографическая традиция, которую многие называют «альфонсовой реформой» (*reforma alfonsí*), целью ее, в частности, было «примирить» графическую систему кастильского языка с его фонетическим обликом. Изменилась геополитическая карта Пиренейского полуострова, выходцы из северных королевств переселялись в более южные регионы, по мере того как продолжалось отвоевывание и освоение новых земель (*Reconquista* и *heroblación*). Продолжились и фонетические изменения: новые явления, обусловленные влиянием баскского языка и северных исторических диалектов, распространялись с Севера на Юг и охватывали всё большие зоны употребления.

В результате происходят значительные изменения в испанской фонологии, которые повлекли за собой формирование различных орфоэпических норм. «Южная» норма (зона современной Андалусии) вслед за каравеллами Колумба распространилась на Канарских островах и в обеих Америках. Вторая норма – «центральная» или «кастильская». Если говорить о собственно «центральной» норме, стоит вспомнить и об одержавшей верх над «толедской» нормой Старой Кастилии, которая отразила целый ряд особенностей, на протяжении нескольких веков формировавшихся сначала в регионах, граничных с баскскими землями, а потом расширившихся вместе с экспансией кастильского господства. Эти черты, настолько выбивающиеся из единого иберо-романского фонетического средневекового облика, легли в основу кастильской орфоэпической нормы и до сегодняшнего дня составляют ее своеобразие. Прежде всего, это аспирация начального этимологического латинского [f], оглушение шипящих [z], [ž], [dž], слияние губно-губной смычной [b] и губно-зубной фрикативной [v] в одну смычную с двумя аллофонами и некоторые другие. Эти явления приведут к исчезновению старых фонем и к возникновению новых, ранее не существовавших, в результате чего к XVII в. в кастильском больше не останется звонких свистящих, но появится такая особенная велярная фрикативная испанская [x] и не менее своеобразная межзубная фрикативная [θ].

Как же получилось так, что средневековые шипящие [š], [ž], [dž] в XVII в. совпадают в одной велярной фонеме [x]? Процесс оглушения звонкого звука (везде, кроме юга Испании), его палатализации и веляризации начался, ве-

роятно, в конце XV в., а окончательное установление произошло в XVII в. В описаниях кастильского языка XVI в. мы видим, что многие грамматисты отмечают новый палатальный (мягкий) характер звука, сравнивая его с [ch] французским, [sc] итальянским. Антонио Небриха, например, сравнивает этот звук с арабским звуком «šīn», который произносился очень мягко благодаря заднеязычной артикуляции. В переводах на французский и итальянский романа Сервантеса «Дон Кихот» мы видим явно палатальные звуки: «Quichotte» и «Chisciotto» соответственно. Однако, веляризация звука не заставила себя ждать: например, в немецком переводе 1621 г. используется однозначно велярный звук: «Don Kichotte».

Интересно, что на становление этого нового звука повлиял другой фонетический сюжет, который также разворачивается в XV–XVI вв. Это триумф аспирированной [h] над латинской [f]. Длительный процесс аспирации заканчивается к XVI в., чему мы находим подтверждение в трудах грамматиков-эрудитов (Вальдес, Небриха), в литературных произведениях, которые получают широкое распространение с развитием книгопечатания, – начальная *h* вытесняет *f*: *fijo* > *hijo*; *fazer* > *hazer*. Звук [f] в начальной позиции остается лишь в культизмах (*fama*, *fortuna*), а также в некоторых фонетических позициях (перед согласным «*frente*», перед дифтонгом «*fiente*»). Стоит сказать, что триумф аспирированной [h] был недолгим, потому как уже к концу XVI в. этот звук начинает «замолкать» благодаря языковой моде, которая развивается при мадридском дворе, в свою очередь опирающемся на норму Старой Кастилии. Толедо остается одним из последних бастионов: именно так называемая «толедская норма» довольно долго сохраняет аспирированный звук. Как пишет Коварубиас: «*los que son descuidados y de pecho flaco suelen no pronunciar la h en dicciones aspiradas*». Но остаются территории, где этот звук выживает и живет долго: это некоторые зоны Андалусии и Экстремадуры, где так говорят до сих пор.

Важно обратить внимание на то, что появление аспирированного заднеязычного [h] любопытным образом помогло установлению нового велярного [x]. Получается, что заднеязычное произношение не было таким уж нетипичным.

Если вернуться к топониму «*México*», возникает второй вопрос: почему несмотря на то, что произносить нужно [x], название страны и города по-прежнему пишут через *x*, создавая трудности для тех, кто не знаком со всей историко-фонетической подоплекой, о которой шла речь. Многие ученые, в том числе Анхель Росенблат, высказывались об этом довольно критично, называя это фетишизмом: «*es un caso claro de fetichismo de la letra*». Но, вероятно, здесь на первый план выходят совсем другие, экстралингвистические мотивы. И об этом написал Альфонсо Рейес: «*Por curioso accidente histórico, se ha creado en torno de la conservación de la grafía x, un complejo de nacionalismo, que hace sentir a la opinión general que es más patriótico escribir así*».

Сведения об авторе:
Карпова Юлия Анатольевна,
доцент
кафедра иберо-романского языкознания

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Yulia Karpova,
Associate professor
Department of Ibero-Romance linguistics,
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
karpova_mama@mail.ru